

ОЛИВЕР САКС

ОСТРОВ ДАЛЬТОНИКОВ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 159.9
ББК 88.5
С15

Серия «Эксклюзивная классика»

Oliver Sacks

THE ISLAND OF THE COLORBLIND

Перевод с английского А. Анваера

Серийное оформление А. Фереца, Е. Ферец

Дизайн обложки В. Воронина

Печатается с разрешения Oliver Sacks LLC
и The Wylie Agency (UK) LTD.

Сакс, Оливер.

С15 Остров дальтоникиков / Оливер Сакс ; [перевод с английского А. Анваера]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-184791-3

Всем известно, что большинство животных не различает цветов. Но у животных дальтонизм успешно компенсируют обостренный слух, обоняние и другие органы чувств.

А каково человеку жить в мире, лишенном красок? Жить — будто в рамках черно-белого фильма, не имея возможности оценить во всей полноте красоту окружающего мира — багряный закат, бирюзовое море, поля золотой пшеницы?

В своей работе «Остров дальтоникиков» Оливер Сакс, с присущим ему сочетанием научной серьезности и занимательно-го стиля отличного беллетриста, рассказывает о путешествии на экзотические острова Микронезии, где вот уже много веков живут люди, страдающие наследственным дальтонизмом. Каким предстает перед ними наш мир? Влияет ли эта особенность на их эмоции, воображение, способ мышления? Чем они компенсируют отсутствие цвета? И, наконец, с чем связано черно-белое зрение островитян и можно ли им помочь?

УДК 159.9
ББК 88.5

© Oliver Sacks, 1996
© Перевод. А. Анваер, 2026
ISBN 978-5-17-184791-3 © Издание на русском языке AST Publishers, 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга состоит из двух независимых повествований, описывающих два моих путешествия в Микронезию. Посещение островов было кратким и неожиданным; у этих путешествий не было ни определенной цели, ни программы; я не собирался ничего доказывать и хотел только наблюдать. Однако впечатления, полученные на островах, пусть хаотичные и бессистемные, отличались богатством и насыщенностью и были на удивление многообразными.

Я отправился в Микронезию как невролог или, скажем точнее, нейроантрополог, чтобы увидеть, как индивиды и целые сообщества приспособляются к редким эндемическим заболеваниям — наследственной полной цветовой слепоте на островах Пингелап и Понпеи, а также прогрессирующему нейродегенеративному заболеванию на островах Гуам и Рота. Однако в то же время я был захвачен культурой и повседневной жизнью этих островов, их историей, уникальной

флорой и фауной и своеобразным геологическим происхождением. Осмотры больных, посещение археологических раскопок, походы в чащи тропических лесов, плавание с маской между рифами — все эти занятия, казавшиеся вначале не связанными между собой эпизодами, слились в конечном итоге в одно нераздельное ощущение, полное погружение в островную жизнь.

Но, возможно, только по возвращении домой пережитый опыт был по-настоящему осмыслен и прочувствован, и только после этого у меня возникло желание взяться за перо. Литературная работа нескольких последних месяцев позволила мне снова мысленно посетить тихоокеанские острова, вспомнить связанные с ними переживания и картины. Но поскольку память — если верить Эдельману — является не просто записью и воспроизведением, а активным процессом классификации, реконструкции и воображения, определяемым и направляемым нашими ценностями и взглядами, постольку я, вспоминая, можно сказать, по-новому увидел свое путешествие — и это был очень личностный, уникальный и даже, пожалуй, эксцентричный взгляд, порожденный в какой-то мере моей давней любовью к островам и растениям.

С самого нежного возраста я испытывал жгучий интерес к животным и растениям. Эту биофилию воспитали во мне сначала мама и те-

тя, а потом поддерживали любимые учителя и школьные товарищи, разделявшие со мной эту страсть — Эрик Корн, Джонатан Миллер и Дик Линденбаум. Вооружившись ботанизирками, мы собирали растения; на рассвете мы часто устраивали «охоту» на пресноводные водоросли, а каждую весну уезжали на две недели в Миллпорт, изучать биологию моря. Мы откапывали редкие книги и делились ими друг с другом. Мою любимую книгу, «Ботанику» Страсбургера (смотрю на форзац), я получил в подарок от Джонатана в 1948 году; великое множество книг подарил мне Рик, уже тогда ставший ненасытным библиофилом. Мы провели сотни часов в зоопарке Кью-Гарденса и в местном музее естественной истории — там мы воображали себя натуралистами и путешествовали по экзотическим островам, не покидая Ридженс-парк, Кью-Гарденс и Кенсингтон.

Много лет спустя, в одном из своих писем, Джонатан вспоминал нашу тогдашнюю страсть и ее, в какой-то степени, викторианский характер. «Я испытываю настоящую ностальгию по тому, окрашенному сепией, времени, — писал он. — Мне очень жаль, что люди и предметы, окружающие меня теперь, окрашены в разнообразные яркие цвета. Иногда мне страстно хочется, чтобы все вокруг вдруг утратило многоцветность и окрасилось в зернистую монохромность 1876 года».

Эрик часто выказывал те же чувства, и, вероятно, именно поэтому, помимо написания книг, занимается их коллекционированием, покупкой и продажей.

Это сочетается у него с глубоким знанием дарвинизма, а также истории биологии и вообще естественных наук. В душе мы все были натуралистами Викторианской эпохи.

Начав описывать посещение Микронезии, я вновь обратился к моим старым книгам, старым интересам и страсти сорокалетней давности, соединив их со страстью к медицине. Кстати говоря, ботаника и медицина не столь уж и далеки друг от друга. Я с восторгом узнал недавно, что отец британской неврологии Уильям Ричард Говерс написал в свое время небольшую монографию о мхах. Макдоналд Кричли в своей биографии Говерса пишет, что он «у постели больного проявлял себя подлинным натуралистом, рассматривая неврологические страдания, как флору тропических джунглей...».

Работая над книгой, я был вынужден вторгаться в незнакомые мне области знания, и в этом мне помогли многие люди, особенно жители Микронезии — Гуама, Роты, Пингелапа и Понпеи, — пациенты, ученые, врачи, ботаники, с которыми я познакомился во время путешествия. Я также благодарен Кнуту Нордбю, Джону Стилу

и Бобу Вассерману, сопровождавшим меня в поездке. Среди тех, кто встретился мне на островах Тихого океана, выражаю особую признательность Лилле Крейг, Грегу Диверу, Делиде Айзек, Мэю Окахиро, Биллу Пеку, Филу Роберто, Джулии Стил, Альме ван дер Вельде и Марджори Уайтинг. Благодарен я также Марку Футтерману, Джейн Хёрд, Кэтрин де Лаура, Айрин Момени, Джону Моллону, Бритт Нордбю, семье Шварц и Ирвину Зигелю за обсуждение проблем цветовой слепоты и природы Пингелапа. Отдельное спасибо я должен сказать Фрэнсис Футтерман, которая познакомила меня с Кнудом и снабдила бесценными советами по подбору солнцезащитных очков для путешествия, не говоря уже о том, что она поделилась своими ощущениями как человек, страдающий цветовой слепотой.

Я также многим обязан специалистам, сыгравшим заметную роль в изучении гуамской болезни: Сью Дэниел, Ральфу Гарруто, Карлтону Гайдусеку, Асао Хирано, Леонарду Курланду, Эндрю Лису, Доналду Мулдеру, Питеру Спенсеру, Берту Видерхольту, Гарри Циммерману. Помогали мне и многие другие, включая моих друзей и коллег — Кевина Кэхилла (который вылечил меня от амебиаза, которым я заразился на островах), Элизабет Чейз, Джона Клея, Аллена Фербека, Стивена Джея Голда, Г. Холланда, Изабель Рэй-

пин, Гея Сакса, Херба Шаумбурга, Ральфа Зигеля, Патрика Стюарта и Поля Торо.

Мое посещение Микронезии было обогащено членами группы, снимавшей в то же время — в 1994 году — документальный фильм об островах (многие наши общие переживания нашли отражение в фильме, несмотря на трудности съемок). Эмма Кричтон-Миллер провела необходимые исследования островов и поработала с их населением, а Крис Роулэнс блестяще руководил съемками, постановкой и монтажом фильма. Вся съемочная группа — Крис и Эмма, Дэвид Баркер, Грег Бейли, Софи Гардинер и Робин Пробин оживляли нашу экспедицию, внесли в нее дух незабываемого товарищества и стали моими друзьями, с которыми мне довелось пережить множество волнующих приключений.

Я также благодарен людям, помогавшим мне в написании и публикации книги, в частности, Николасу Блейку, Сюзанне Глюк, Джекки Грэхем, Шелли Хаган, Кэролу Харви, Клодин О'Хирн, Хизер Шредер и особенно Хуану Мартинесу, который умело направлял весь сложный процесс редактирования и издания.

Книга была написана, что называется, на едином дыхании в июле 1995 года. Однако после она начала буквально разбухать, как необузданная цикада, обрастая дополнениями и примечани-

ями, превышавшими в несколько раз первоначальный объем. Для того чтобы сохранить непрерывность и связность исходного текста, мне пришлось собрать все дополнения и ссылки в конце книги в виде примечаний. Мне едва ли удалось бы справиться со всеми сложностями, связанными с решением вопросов о том, что оставить в тексте, а что перенести в примечания и как скомпоновать книгу, без помощи моего редактора Дэна Фрэнка и незаменимой Кейт Эдгар.

Особую признательность я выражаю Тобиасу Пиккеру за его версию «Энкантадас» Германа Мелвилла. Соединение музыки Пиккера, текста Мелвилла и голоса Гилгуда произвело на меня волнующий и таинственный эффект, и каждый раз, когда мне изменяла память, прослушивание спектакля, подобно прустовскому мнемоническому средству, снова возвращало меня на Марианские или Каролинские острова.

Я выражаю сердечную благодарность Тому Миренде и Моби Уэйнстайну, Линн Ролерсон и Агнес Райнхарт из Микронезии, Чаку Хаббачу из Ботанического сада тропических растений Фэйрчайлда в Майами, а также Джону Миккеллу и Деннису Стивенсону из Нью-Йоркского ботанического сада за сведения о папоротниках и сажовниках, которыми они от души со мной поделились. И, наконец, я бесконечно признателен

за терпение, проявленное при чтении рукописи, Стивену Джею Гулду и Эрику Корну. Именно Эрику, моему лучшему и самому старому другу, я и посвящаю эту книгу.

Нью-Йорк, август 1996 года.

О.В.С.

Постскрипtum

В новом издании я не стал менять основной текст, но расширил некоторые примечания и добавил несколько новых. Кроме того, я привел несколько новых ссылок. Многие из этих дополнений были предложены читателями, и я с удовольствием выражаю свою благодарность Гасу Агирре, А. Бейзе, Дирку Энтони Баллендорфу, Марку Дункану, Марку Флоренсу, Стивену Джеймсу, Леонии Моллой, Роббину Морану, Карлу Тейлору и Грейму Томпсону. Выражаю мою признательность и благодарность также Джину Эшби и Джеймсу Симмонсу, чьи книги о Тихом океане стали неиссякаемым источником вдохновения как для меня, так и для многих других.

О.В.С.,

Нью-Йорк,

июль 1997 года

Книга I

ОСТРОВ ДАЛЬТОНИКОВ

С ОСТРОВА НА ОСТРОВ

Острова всегда очаровывали меня — вероятно, по той же причине, по какой они очаровывают всех остальных людей. Первым моим летним путешествием — мне было тогда три года — стало путешествие на остров Уайт. В памяти сохранились лишь разрозненные фрагменты этой поездки — крутые склоны из разноцветного песчаника, сбегавшие к волшебному морю, которое я увидел впервые. Меня уже тогда околдовали его спокойствие, мелкая зыбь и тепло. Но меня пугала суровость того же моря, когда поднимался ветер, а небо заволакивали тучи. Отец рассказывал, что однажды, еще до моего рождения, выиграл заплыв вокруг острова Уайт. С тех пор я смотрел на отца с обожанием, как на сверхчеловека и героя.

В детстве я очень рано познакомился с рассказами о морях, кораблях и мореплавателях — мама рассказывала мне о капитане Куке, Магеллане, Тасмане, Дампире, Бугенвиле и об открытых ими островах и народах, местоположение которых по-

казывала мне на глобусе. Острова казались мне особыми местами, отдаленными и таинственными, привлекательными и одновременно устрашающими. Помню, как пугали меня картинки в детской энциклопедии, на которых были изображены огромные безглазые статуи острова Пасхи, обращенные лицами к морю. Я читал страшную историю о том, как островитяне утратили способность выходить в море и остались на острове, отрезанные от остального человечества, обреченные на прозябание и одиночество¹.

Я читал истории об изгнанниках, о необитаемых островах, об островах-тюрьмах и островах прокаженных. Я обожал «Затерянный мир» Конан Дойла — живой рассказ о затерянном на просторах Южной Америки плато, населенном динозаврами и другими тварями юрского периода — по сути, об острове, изолированном в море времени. Я знал эту книгу едва ли не наизусть и мечтал (когда вырасту) стать вторым профессором Челленджером.

Я был очень впечатлительным мальчиком, и воображение других людей легко воспламеняло мое собственное. Особенно преуспел в этом Герберт Джордж Уэллс. Любой необитаемый остров тотчас становился для меня «Островом Эпиорниса», а в кошмарах представлялся «Островом доктора Моро». Позже, когда я начал читать Германа Мелвилла и Роберта Льюиса Стивенсона, реаль-

ность и фантастика неразрывно сплелись в моей голове. На самом ли деле существовали Маркизские острова? Были ли приключения, описанные в «Ому» и «Типи», реальными? Особые сомнения — до знакомства с Дарвином — я испытывал по поводу Галапагосских островов, о которых знал исключительно из книги Мелвилла «Энкантадас, или Очарованные острова».

Позже беллетристику вытеснили научные книги — «Путешествие на корабле “Бигль”» Дарвина, «Малайский архипелаг» Уоллеса, «Картины природы» Александра Гумбольдта (особенно потрясло меня его описание драконового дерева, которому было шесть тысяч лет, на острове Тенерифе). Отныне моя страсть к романтике, мифам и таинственности подчинилась научному любопытству².

Все дело в том, что острова — это, если можно так выразиться, экспериментальная площадка природы, места благословенные или проклятые — из-за своей географической изоляции. Они богаты уникальными формами жизни — руконожками, потто, лори и лемурами Мадагаскара, огромными черепахами Галапагосских островов, гигантскими нелетающими птицами Новой Зеландии. Все эти виды и роды животных пошли особыми эволюционными путями в своих островных изолятах³. Я испытал необычное удовольствие от одной фразы в дневниках Дар-